

В.Н. АРХАНГЕЛЬСКИЙ, Ю.В. ЗИНЬКИНА, А.В. КОРОТАЕВ, С.Г. ШУЛЬГИН

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ И ВЛИЯНИЕ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ

АРХАНГЕЛЬСКИЙ Владимир Николаевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), зав. сектором Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (archangelsky@yandex.ru); ЗИНЬКИНА Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник той же академии, научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (juliazin@list.ru); КОРОТАЕВ Андрей Витальевич – доктор исторических наук, профессор, руководитель лаборатории того же университета, ведущий научный сотрудник той же академии (akorotayev@gmail.com); ШУЛЬГИН Сергей Георгиевич – кандидат экономических наук, зам. зав. лабораторией РАНХиГС (sergey@shulgin.ru). Все – Москва, Россия.

Аннотация. Рождаемость в России значительно выросла после 2007 г., когда были введены новые государственные меры поддержки семей с детьми. В статье анализируется структура этого повышения, а также факторы, внесшие вклад в рост рождаемости. Наибольший рост в 2007 г. произошел по вторым и последующим рождениям, в то время как показатель рождаемости по первым рождением остался практически неизменным. На основе проведенных статистических расчетов результативность осуществляемых с начала 2007 г. мер демографической политики в отношении рождаемости можно оценить в дополнительные 0,259 величины суммарного коэффициента рождаемости, что составляет 35,4% для вторых и последующих рождений или 17,1% для всех рождений. Есть основания говорить о позитивных сдвигах в показателях рождаемости не только для условных, но и для реальных поколений.

Ключевые слова: рождаемость • демографическая политика • помощь семьям с детьми • материнский капитал • очередность рождений • средний возраст матери

Как и в других постсоветских странах, в России наблюдалось резкое падение рождаемости в конце 1980-х – начале 1990-х гг. К концу 1990-х гг. Россия наряду со многими странами Восточной (а также некоторыми странами Центральной и Южной) Европы столкнулась с феноменом сверхнизкой рождаемости – суммарный коэффициент рождаемости (СКР) опустился ниже 1,3 ребенка на женщину (самое низкое значение СКР равное 1,19 было зафиксировано в России в 1999 г.). В последующие годы он повышался (за исключением 2005 г.) и к 2006 г. достиг 1,305.

С 2007 г. начали реализовываться новые меры помощи семьям с детьми. Вначале это были преимущественно федеральные меры. С 1 января 2007 г. начала действовать программа материнского (семейного) капитала. Он предоставляется один раз при рождении второго или последующего ребенка. Средства капитала (в безналичной форме) можно потратить по достижении ребенком 3 лет на улучшение жилищных условий, на получение образования, на накопительную часть трудовой пенсии матери. Первоначально размер материнского (семейного) капитала составлял 250 тыс. рублей. В последующие годы его величина ежегодно индексировалась и в 2016 г. составляла 453026 рублей. Одновременно существенно повысилась оплата отпуска по уходу за ребенком до 1,5 лет. Оно выплачивается работающим матерям в размере 40% заработной платы на момент ухода в отпуск по беременности и родам. Были введены компенсационные выплаты родителям, чьи дети посещают дошкольные учреждения: 20% от платы на первого ребенка, 50 – на второго, 70% – на третьего и последующих.

Примерно с 2012 г. федеральные меры начали активно дополняться региональными, ориентированными на повышение рождаемости. Так, именно с этого года

в большинстве субъектов РФ реализуются региональные программы материнского (семейного) капитала, право на получение которого возникает, как правило, при рождении третьего ребенка. Семьям с 3 и более детьми выделяются земельные участки под строительство жилого дома. С 2013 г. во многих регионах (прежде всего, с наиболее неблагоприятной демографической ситуацией) введена ежемесячная денежная выплата на третьего или последующего ребенка до достижения им 3 лет в размере прожиточного минимума ребенка. Реализуются и некоторые другие меры помощи семьям с детьми.

За время, прошедшее после введения материнского капитала, показатели рождаемости выросли. К 2015 г. по сравнению с 2006 г. величина этого показателя увеличилась на 0,472 или на 36,2% и составила 1,772. Если за 2000–2006 гг. среднегодовой прирост величины СКР составлял 0,021¹, то за 2007–2015 гг. – 0,052.

Динамика суммарного коэффициента рождаемости по очередности рождений. Изменение величины СКР по первым рождениям в России в последние 15 лет во многом определялось изменением числа зарегистрированных браков. В отличие от первых рождений, принятие семьями решений о рождении второго и последующих детей, зачастую, в большей степени (чем по первенцам) связано с оценкой ими условий своей жизнедеятельности. Следовательно, динамика показателей рождаемости по вторым и последующим рождениям в большей мере может быть детерминирована социально-экономическими факторами и, в том числе, мерами помощи семьям с детьми, активная реализация которых началась в 2007 г. Более того, многие из этих мер дифференцированы в зависимости от числа детей в семье, а значит в разной степени могут влиять на показатели рождаемости разной очередности.

Увеличение СКР по вторым рождениям в 2006 г. по сравнению с 1999 г. было меньшим, чем по первым (0,063 против 0,076). Начиная с 2007 г., сравнительная динамика этих показателей стала принципиально иной. Если по первым рождениям СКР то повышался, то понижался во многом в зависимости от изменения числа зарегистрированных браков, то по вторым рождениям величина этого показателя повышалась неуклонно. Наиболее существенным (более, чем на 0,03) ее прирост был в 2007 (0,065 или 15,9%), 2008 г. (0,039 или 8,2%), 2012 г. (0,046 или 8,0%) и 2014 (0,033 или 5,3%).

Абсолютная величина прироста суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим рождениям была меньше, чем по вторым (кроме 2011 и 2013 гг.), но относительная – больше. В 2007 г. относительный прирост величины этого показателя составил 25,2%, в 2008 г. – 11,7%, в 2012 г. – 14,5%.

Наибольший прирост суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим рождениям произошел в 2012 г., когда в большинстве субъектов Российской Федерации был введен региональный материнский (семейный) капитал, право на получение которого возникает, как правило, в связи с рождением третьего или последующего ребенка. В 2013 г. в большинстве регионов начала предоставляться ежемесячная выплата на третьего или последующего ребенка до достижения им трех лет. Однако ее влияние на показатели рождаемости по третьим и последующим рождениям оказалось слабее, чем регионального материнского (семейного) капитала. Отчасти это может быть связано с очень коротким интервалом между началом реализации двух этих мер. Многие из тех семей, которые могли бы среагировать своим репродуктивным поведением на ежемесячную выплату на третьего или последующего ребенка, уже сделали это в отношении регионального материнского (семейного) капитала.

Связь существенного прироста суммарного коэффициента рождаемости, начиная с 2007 г., с реализацией мер помощи семьям с детьми отмечается, например, Т. Фрейхой и С. Захаровым: «Рост КСР в 1999–2004 гг. базировался на компенсационном росте

¹ При этом он был занижен снижением на 0,05 величины этого показателя в 2005 г.; если принимать в расчет только годы, когда она увеличивалась, то среднегодовой прирост составляет 0,033.

Таблица 1

**Суммарный коэффициент рождаемости по очередности рождений в России
в 1999–2015 гг.**

Годы	Суммарный коэффициент рождаемости				
	первые рождения	вторые рождения	третьи рождения	четвертые рождения	пятые и последующие рождения
1999	0,677	0,345	0,089	0,027	0,019
2000	0,702	0,358	0,092	0,026	0,018
2001	0,720	0,369	0,090	0,027	0,018
2002	0,745	0,396	0,099	0,028	0,019
2003	0,766	0,415	0,105	0,029	0,019
2004	0,768	0,420	0,105	0,029	0,018
2005	0,737	0,405	0,100	0,028	0,017
2006	0,753	0,408	0,100	0,027	0,016
2007	0,754	0,473	0,125	0,034	0,020
2008	0,781	0,512	0,143	0,037	0,020
2009	0,801	0,534	0,147	0,038	0,021
2010	0,786	0,564	0,156	0,040	0,021
2011	0,781	0,574	0,165	0,041	0,022
2012	0,809	0,620	0,189	0,047	0,025
2013	0,811	0,625	0,198	0,049	0,025
2014	0,799	0,658	0,212	0,053	0,027
2015	0,787	0,688	0,219	0,055	0,028

Источник: рассчитано по: 1999–2005 гг. – The Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=asfr&t1=3&t2=4>), 2006–2015 гг. – данные Росстата (рождения с неизвестной очередностью для каждой возрастной группы женщин распределены пропорционально по очередности рождения).

интенсивности деторождения у женщин в возрастах старше 25 лет. Показатель существенно возрос в 2006–2012 гг., что было вызвано введением в действие стимулирующих пронаталистских мер в 2007 г.» [Фрейка, Захаров, 2014: 112].

Оценка влияния мер демографической политики на вторые и последующие рождения. Для того чтобы оценить влияние мер демографической политики, реализуемых с 2007 г., на динамику суммарного коэффициента рождаемости по вторым и последующим рождениям в 2007–2015 гг., нужно сделать оценку того, какой бы она могла быть, если бы этих мер не было. Среднегодовой прирост суммарного коэффициента рождаемости по вторым и последующим рождениям в период 2000–2004 гг. (ограничиваемся данным периодом, так как в 2005 г. величина этого показателя снизилась, а в 2006 г. – практически не изменилась) составил 0,0184, т.е. примерно 0,02. Если бы такой прирост величины этого показателя был ежегодным, начиная с 2007 г., то в 2015 г. величина суммарного коэффициента рождаемости по вторым и последующим рождениям составила бы 0,731. На самом деле она равнялась 0,990,

т.е. была на 0,259 или на 35,4% больше. Если считать, что на динамику суммарного коэффициента рождаемости по первым рождением реализуемая демографическая политика, практически, не влияла, то суммарный коэффициент рождаемости в целом по всем рождением составил бы 1,518, а фактически он равнялся 1,777, т.е. был на 17,1% больше. Таким образом, результативность осуществляемых с начала 2007 г. мер демографической политики в отношении рождаемости, можно оценить в дополнительные 0,259 величины суммарного коэффициента, что составляет 35,4% для вторых и последующих рождений или 17,1% для всех рождений.

Реальный рост рождаемости или тайминговые сдвиги? В первую очередь стоит подчеркнуть, что, по нашему мнению, при анализе влияния мер семейной политики на рост рождаемости провести четкую границу между реальным ростом рождаемости и тайминговыми сдвигами в календаре рождений едва ли возможно, поскольку эти два явления могут быть довольно тесно связаны между собой. Решение о рождении второго ребенка на год-два раньше, чем планировалось, очевидно отличается от решения о рождении или нерождении второго ребенка как такового. Однако при этом решение об откладывании второго рождения на несколько лет может повлиять в итоге на решение о том, заводить ли второго ребенка вообще – в результате слишком долгого откладывания ребенок может быть так и не рожден; более того, рождение может оказаться невозможным вследствие ухудшившегося с возрастом репродуктивного здоровья женщины, изменения экономических или личных обстоятельств.

Величина СКР по первым рождением (2015 г. – 0,787) по-прежнему очень низка. Для сравнения доля женщин, родивших хотя бы одного ребенка, в реальных поколениях, завершающих сейчас процесс деторождения, близка к 0,9 (этот показатель является, по сути дела, аналогом СКР по первым рождением, но для реальных поколений). Столь значительный разрыв между величинами двух этих показателей свидетельствует о существенных тайминговых сдвигах, проявляющихся в откладывании рождения первого ребенка.

Об этом свидетельствует и динамика среднего возраста матери при рождении первого ребенка, который только за последние пять лет вырос больше, чем на 0,5 года (с 24,92 года в 2010 г. до 25,47 года в 2015 г.) (см. табл. 2).

Таблица 2

Средний возраст матери по очередности рождения ребенка в 2010–2015 гг.
(лет)

Годы	Все население		
	первые рождения	вторые рождения	третьи рождения
2010	24,92	29,55	32,19
2011	24,99	29,54	32,20
2012	25,03	29,52	32,21
2013	25,21	29,54	32,22
2014	25,32	29,53	32,21
2015	25,47	29,52	32,15

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Средний возраст матери при рождении второго и третьего ребенка в последние годы практически стабилизировался. На фоне растущего среднего возраста матери при рождении первого ребенка (особенно после 2012 г.) это может косвенно свидетельствовать о возможных небольших тайминговых сдвигах (более раннем рождении) при рождении, прежде всего, второго и возможно третьего ребенка.

Показатели рождаемости в реальных поколениях женщин. Использование для анализа чисел рожденных детей в реальных поколениях женщин дает возможность устранить возможное влияние тайминговых сдвигов. Непосредственно эта информация содержится в результатах переписей населения (на основе ответов женщин о числе рожденных детей). Однако на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости можно сделать оценочный расчет числа рожденных детей в реальных поколениях женщин. Результаты такого расчета по состоянию на начало 2016 г., представлены в таблице 3. Подчеркнем, что это не оценка возможной итоговой (к концу репродуктивного периода) величины того или иного показателя у женщин того или иного года рождения, а реальная величина по состоянию на начало 2016 г. Понятно, что в поколениях женщин, еще не завершивших репродуктивный период, все представленные показатели в последующие годы возрастут, и у более молодых женщин это произойдет в большей степени.

Таблица 3

Показатели рождаемости в реальных поколениях женщин
(на начало 2016 г.)

Год рождения женщины	Среднее число рожденных детей	Среднее число первых рождений	Среднее число вторых рождений	Среднее число третьих рождений	Доля родивших второго ребенка среди родивших первого (%)	Доля родивших третьего ребенка среди родивших второго (%)
1950	1,84	0,94	0,63	0,17	67,5	27,0
1955	1,89	0,93	0,67	0,19	72,1	27,6
1960	1,86	0,95	0,66	0,17	70,0	25,5
1965	1,69	0,92	0,57	0,14	62,4	23,9
1970	1,61	0,92	0,50	0,13	54,5	24,9
1975	1,59	0,89	0,51	0,14	57,2	27,2
1976	1,58	0,88	0,51	0,14	58,0	27,3
1977	1,57	0,87	0,51	0,14	58,6	27,5
1978	1,56	0,87	0,51	0,14	58,8	27,2
1979	1,55	0,86	0,50	0,13	58,3	26,7
1980	1,49	0,84	0,48	0,12	57,2	25,7

Источник: рассчитано по: данным Росстата и The Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=asfr&t1=3&t2=4>).

Среднее число рожденных детей после некоторого повышения у женщин 1950-х годов рождения (в основном в связи с реализацией мер помощи семьям с детьми в 1980-е гг.) почти неуклонно снижалось до поколений начала 1970-х гг., в отношении которых уже сейчас можно говорить о стабилизации среднего числа рожденных детей. В поколениях женщин середины и второй половины 1970-х гг. итоговое среднее число рожденных детей вероятно не только стабилизируется, но и возрастет. В еще большей мере этого можно ожидать в отношении женщин 1980-х гг.

Повышение итогового числа рожденных детей в реальных поколениях женщин будет обусловлено увеличением числа вторых и третьих рождений, тогда как по первым рождениям, вероятно, будет иметь место уменьшение среднего числа рожденных детей, т.е. некоторое повышение доли женщин, не имеющих рожденных детей.

Т. Фрейка и С. Захаров пишут, что «предварительные оценки показывают, что итоговая рождаемость реальных поколений (ПКСР) вероятно стабилизировалась на уровне 1,6 рождения на одну женщину для когорт 1970-х и, возможно, также и для когорт 1980-х гг. рождения» [Фрейка, Захаров, 2014: 107], а далее в этой же статье указывают на возможность некоторого повышения среднего числа рожденных детей в реальных поколениях: «Если оттолкнуться от числа детей, уже рожденных к 2013 г., и предположить, что результаты репродуктивного поведения женщин старше 25 лет в поколениях 1970-х и 1980-х годов не будут сильно отличаться от результатов их предшественниц, то следует ожидать, что коэффициент суммарной (итоговой) рождаемости для указанных поколений (ПКСР) составит 1,6–1,7» [Фрейка, Захаров, 2014: 131], т.е. уже не стабилизация на уровне 1,6. В другой своей работе, опубликованной в том же 2014 г., С. Захаров говорит о том же уровне стабилизации итогового числа рожденных детей (1,6–1,7), причем с указанием «как минимум»: «Итак, исходя из наблюдаемых тенденций, можно говорить, как минимум, о стабилизации рождаемости реальных поколений в России на уровне 1,6–1,7» [Захаров и др., 2012: 144].

Заметно повысилась доля родивших второго ребенка. Если говорить о поколениях, начиная с 1950 г.р., то величина этого показателя после достижения максимума у женщин 1956 г.р. (72,9%) неуклонно снижалась до поколения 1971 г.р. (54,2%), а у более молодых женщин начала возрастать и в поколении 1978 г.р. составляет 58,8% с вероятной перспективой повышения до конца репродуктивного периода.

Доля родивших третьего ребенка снижалась с 28% у женщин 1954 г.р. до 23,9% у женщин 1965 г.р., а в более молодых поколениях уже повысилась до 27,5% у женщин 1977 г.р., т.е., практически, вернулась к тому уровню, который имел место у женщин первой половины и середины 1950-х г.р.

Таким образом, есть основания говорить о позитивных сдвигах в показателях рождаемости не только для условных, но и для реальных поколений. Конечно, нельзя было ожидать такого же увеличения среднего числа рожденных детей в реальных поколениях, как и СКР, хотя бы потому, что оно не снижалось до столь низкой величины, как суммарный коэффициент. Кроме того, для оценки изменений в уровне рождаемости, происходивших в последнее десятилетие нужно дожидаться, когда женщины, находящиеся сейчас в активном репродуктивном возрасте, завершат репродуктивный период своей жизни и для них станет известно итоговое число рожденных детей.

После существенного снижения средний возраст матери при рождении первого ребенка начал повышаться с поколения женщин 1969 г.р. По вторым детям увеличение этого показателя началось с поколения 1965 г.р., а по третьим – с поколения 1962 г.р. Некоторое снижение среднего возраста матери при рождении второго (с поколения 1978 г.р.) и третьего (с поколения 1975 г.р.) обусловлено тем, что эти женщины еще продолжают процесс деторождения. Итоговая величина показателя среднего возраста при рождении второго и последующих детей у них возрастет.

В поколениях женщин 1950 – начала 1960-х гг.р. разница в среднем возрасте матери при рождении второго и первого ребенка сокращалась, что свидетельствует в среднем о сокращении интервала между рождением первого и второго ребенка и, следовательно, возможных тайминговых сдвигах, обусловленных реализацией мер помощи семьям с детьми в 1980-е гг. В более молодых поколениях женщин разница в среднем возрасте матери при рождении второго и первого ребенка существенно возрастает (с 3,31 года у женщин 1963 г.р. до 5,82 года у женщин 1974 г.р.) и поэтому вряд ли есть основания говорить о тайминговых сдвигах в последнее десятилетие.

Восприятие населением эффективности мер государственной помощи семьям с детьми. Рассмотрим как соотносится эффект мер государственной помощи семьям с детьми на рост рождаемости, наблюдаемый через статистические показатели, с восприятием этого эффекта среди населения. При этом необходимо учитывать два важных пункта. Во-первых, мы имеем здесь дело с так

называемым ретроспективным мнением. Фактически мы выясняем не то, помогли ли, с точки зрения респондента, меры принять решение о рождении ребенка в тот период времени, когда это решение принималось, а то, как человек оценивает это влияние сейчас, спустя несколько месяцев или даже лет после рождения ребенка. Эта оценка может не совпадать с той, которая имела место в период принятия решения о рождении ребенка, в том числе потому, что на нее влияет, что произошло после рождения ребенка: уже возникший опыт пользования этими мерами, эмоциональное восприятие появления ребенка и пр.

Во-вторых, люди, видимо, зачастую склонны считать, что все (или большинство) важные решения в своей жизни они принимают самостоятельно, вне зависимости от внешних факторов, в том числе и мер государственной политики (по всей видимости, это особенно актуально для России, с ее низким уровнем как межличностного доверия в обществе, так и доверия к органам государственной власти (см. [World Values Survey, 2013]²). Таким образом, эффект мер государственной помощи семьям с детьми в таких опросах может оказаться несколько заниженным.

Поэтому по результатам социологического опроса мы получаем не долю тех, кому, например, реализуемые меры помогли принять решение о рождении ребенка (вряд ли ее можно, вообще, корректно определить), а долю тех, кто так считает. В этой связи многое может зависеть от формулировки вопроса – чем в менее жесткой форме мы будем спрашивать о влиянии мер, тем возможно большая доля респондентов отметит это влияние.

Так, в обследовании «Семья и рождаемость» респондентам задавался следующий вопрос: «Если у вас родился ребенок в 2007–2009 гг., то повлияло ли на ваше решение о рождении ребенка то обстоятельство, что начали реализовываться дополнительные меры государственной помощи семьям с детьми?» Четверть (25%) опрошенных женщин, родивших второго ребенка в 2007–2009 гг., отметили такое влияние. При этом 15,3% указали, что появился ребенок, рождение которого до этого откладывали, а 9,7%, что дополнительные меры государственной помощи семьям с детьми помогли принять решение о рождении ребенка, которого без этого не могли себе позволить.

Иные результаты были получены в 2012 г. в «Выборочном наблюдении репродуктивных планов населения». Здесь формулировка вопроса была «мягче», а именно «помогло ли принять решение о рождении ребенка то, что начали реализовываться дополнительные меры государственной помощи семьям с детьми». Среди тех, у кого в 2007–2012 гг. родился второй ребенок, доля отметивших, что дополнительные меры государственной помощи семьям с детьми помогли им не откладывать далее рождение ребенка, составила 21,8% у женщин и 23,4% у мужчин, что эти меры помогли принять решение о рождении ребенка, которого без этого не могли себе позволить, – 9,8% женщин и 9,5% мужчин. Таким образом, хотя бы какую-то помощь дополнительных мер семьям с детьми среди респондентов, у которых родился второй ребенок, отметили 31,6% женщин и 32,9% мужчин.

Заключение. Таким образом, проведенный анализ показал, что характер повышения показателей рождаемости, начавшегося в России в 2000 г., существенно изменился с 2007 г. Во-первых, прирост суммарного коэффициента рождаемости стал более значительным, а, во-вторых, он устойчиво имел место только в отношении вторых и последующих рождений, на поддержку которых и ориентирована большая часть реализуемых мер помощи семьям с детьми. У женщин 1970-х гг. уже сейчас можно говорить о стабилизации среднего числа рожденных детей и повышении доли родивших второго и третьего ребенка после существенного снижения этих показателей, имевшего место у женщин 1960-х гг. Причем величины этих показателей еще более возрастут по мере завершения процесса деторождения женщинами поколений второй половины 1970-х гг. В еще большей степени это, вероятно, будет иметь место у женщин 1980-х гг.

² World Values Survey. 2013. URL: www.worldvaluessurvey.org (дата обращения: 01.10.2016).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Фрейка Т., Захаров С. Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений // Демографическое обозрение. 2014. № 1. С. 106–143.
- Захаров С.В., Богоявленский Д.Д., Исупова О.Г., Сакевич В.И., Комлева Р.Н., Чурилова Е.В. Дают ли тенденции рождаемости 2007–2012 гг. повод для оптимизма? // Население России 2012. Двадцатый ежегодный демографический доклад. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. С. 131–153.

Статья поступила: 21.11.14; финальная версия: 09.11.16. Принята к печати: 16.11.16.

MODERN FERTILITY TRENDS IN RUSSIA AND THE IMPACT OF THE PRO-NATALIST POLICIES

ARCHANGELSKIY V.N.*, ZINKINA Ju.V.***, KOROTAYEV A.V.***, SHULGIN S.G.***

*Moscow State University, Russia; Russian Academy of National Economy and Public Administration, Russia; **Russian Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Higher School of Economics, Russia; ***Russian Academy of National Economy and Public Administration, Russia

Vladimir N. ARCHANGELSKIY, *Cand. Sci. (Econ.)*, Head of the Sector at the Center for Population Problems Studies at the Economic Faculty of the Moscow State University; Leading Researcher of the International Research Laboratory for Demography and Human Capital, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (archangelsky@yandex.ru); Julia V. ZINKINA, *Cand. Sci. (Hist.)*, Senior Research Fellow of the International Research Laboratory for Demography and Human Capital, Russian Academy of National Economy and Public Administration; Research Fellow of Laboratory for Monitoring Risks of Socio-Political Destabilization, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (juliazin@list.ru); Andrey V. KOROTAYEV, *Dr. Sci. (Hist.)*, Prof., Head of Laboratory for Monitoring Risks of Socio-Political Destabilization, National Research University Higher School of Economics; Leading Researcher of the International Research Laboratory for Demography and Human Capital, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (akorotayev@gmail.com); Sergey G. SHULGIN, *Cand. Sci. (Econ.)*, Vice-Head of the International Research Laboratory for Demography and Human Capital, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (sergey@shulgin.ru).

Abstract. In the 1990s Russia, along with many Eastern European countries, hit lowest-low fertility levels (TFR lower than 1.3 children per woman) which were persistent throughout the early 2000s despite some small growth of TFR. This spurred the introduction of pro-natalist policies, the most prominent of which was a large lump-sum payment on the birth of a second or a higher-order child, the “maternity capital”, in 2007. This had an immediate impact upon fertility. In order to assess the impact of pro-natalist policies upon the TFR dynamics let us calculate an estimate what the TFR in 2015 would be if there were no such policies. The annual increase of TFR for second and higher-order births in 2000–2004 was about 0.02. If this increase had persisted in 2007–2015, the TFR for second and higher-order births in 2015 would have equalled 0.731, while in reality it was 0.990, or 35.4% higher. The TFR for all births would have been in this case 1.518, while in reality it was 1.777, or 17.1% higher. We can take these figures as estimates of the effect of the pro-natalist policies realized in 2007–2015. Notably, the increase is observed not only in TFR, but in fertility rates of real cohorts of women as well.

Keywords: fertility, demographic policy, pro-natalist policy, support for families with children, maternity capital, birth order, medium age of the mother, fertility in real cohorts.

REFERENCES

- Frejka T., Zaharov S. (2014) Jevoljucija rozhdzaamosti v Rossii za polveka: optika uslovnih i real'nyh pokolenij. Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]. Vol. 1. No. 1: 106–143.
- Zaharov S.V., Bogojavlenskij D.D., Isupova O.G., Sakevich V.I., Komleva R.N., Churilova E.V. (2014) Dajut li tendencii rozhdzaamosti 2007–2012 gg. povod dlja optimizma? Naselenie Rossii 2012. Dvadcatyj ezhegodnyj demograficheskij doklad. [Population of Russia 2012. The 20th annual demographic report] Moscow: Izd. dom VShE: 131–153.

Received: 21.11.14; final version 09.11.16. Accepted: 16.11.16.